

Патрушев Сергей

Виртуальный мир

Сергей Патрушев

Виртуальный мир

<https://litres.ru/74492764>

SelfPub; 2026

Аннотация

Алексей, уставший программист из Москвы, загадочно переносится в фэнтези-мир, похожий на Японию эпохи Эдо. Отказавшись от роли «избранного», он использует логику и знание багов для выживания.

Став наёмником гильдии «Стальные Листья», муж принцессы Рейко и бароном, Алексей меняет законы этого мира. Ему предстоит сразиться с Архимагом Теней, возглавить оборону против демонов и победить Императора Тьмы не силой, а абсурдом, доказав, что чит-код — это наглость.

Содержание

Глава 1. Билет в один конец	4
Глава 2. Самурай без меча, но с чувством юмора	24
Глава 3. Академия Магии и первые красавицы	49
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Сергей Патрушев

Виртуальный мир

Глава 1. Билет в один конец

Пиксели на мониторе слились в одну сплошную серую полосу. Алексей оторвал взгляд от экрана, помассировал переносицу и посмотрел на часы в углу операционной системы. Двадцать три сорок семь. Еще тринадцать минут до конца смены, но его рабочий день закончился примерно полтора часа назад, сразу после того как Тимлид утвердил последний коммит.

С тех пор он просто сидел. Смотрел в код чужого модуля, который ему предстояло рефакторить завтра утром. Код был написан так, словно автор пытался намеренно запутать будущих читателей, используя самые изощренные паттерны проектирования там, где хватило бы простого цикла. Алексей знал этот язык — корпоративный диалект отчаяния. Когда разработчик понимает, что проект безнадежен, но боится признаться менеджеру, он начинает писать «умный» код. Это создает иллюзию сложности, за которой удобно прятать архитектурные провалы.

За панорамным окном офиса Москва-Сити жила своей ночной жизнью. Далеко внизу ползли светящиеся гусеницы

автомобильных фар по Третьему транспортному кольцу. Ветер гнал по эстакаде мелкую снежную крупу, подсвеченную ядовито-оранжевыми фонарями. Там было холодно, ветрено и грязно. Здесь, в стеклянном аквариуме двадцать второго этажа, работал идеальный климат-контроль, поддерживая температуру ровно в двадцать два градуса. Идеальная температура для медленного угасания нервных клеток.

Алексей потянулся, хрустнув суставами. Спина отозвалась глухой болью — восемь часов в одном положении не проходят даром даже для тридцатидвухлетнего организма. Он открыл мессенджер. Девять пропущенных сообщений от матери («Ты ел?», «Почему не отвечаешь?», «Отец волнуется»), одно предложение выпить пива от коллеги (отклонено без раздумий) и системное уведомление от почтового сервера.

Тема письма была пустой. Отправитель — `no-reply@void.system`.

Спам-фильтр почему-то пропустил его во входящие, хотя обычно отправлял подобные пустышки прямиком в корзину. Алексей навел курсор на кнопку удаления, но палец замер. Что-то в этой абсолютной пустоте темы письма цепляло сильнее, чем кричащие заголовки про скидки на курсы личностного роста. Он кликнул.

Внутри оказалось всего две строки текста, набранные моноширинным шрифтом:

Обнаружена аномалия в вашем профиле использования

вычислительных ресурсов. Вы потребляете больше, чем отдаете. Приглашение на закрытый бета-тест проекта "Виртуальный мир". Протокол подключения прилагается. Отказ невозможен.

Ниже действительно шел блок кода — длинная строка символов, похожая на хэш-сумму или ключ доступа к защищенному серверу. Текст отдавал дешевым киберпанком из девяностых. «Отказ невозможен». Алексей усмехнулся уголком рта. Очередная вирусная рассылка для уставших аййтишников. Или социальный эксперимент отдела HR, решившего проверить лояльность сотрудников нестандартными методами.

Он уже собирался закрыть вкладку, когда периферийным зрением уловил движение. На его основном рабочем мониторе, поверх открытого окна с ненавистным легаси-кодом, полупрозрачным зеленым светом высветилась та самая строка приглашения. А затем экран моргнул.

Это не было похоже на обычный сбой видеокарты. Картинка не рассыпалась на артефакты, не зависла статичным кадром. Она просто... схлопнулась. Все цвета спектра одновременно втянулись в центр монитора, образовав ослепительную белую точку, которая расширилась со скоростью взрыва, заполнив собой все пространство. Звук исчез. Рев кулеров системного блока, гул вентиляции, шум города за стеклом — всё это отрезало одним движением невидимого рубильника. Остался только белый свет, бьющий прямо в

сетчатку.

Инстинкт заставил Алексея зажмуриться и вскинуть руки к лицу. Он ожидал жара, боли, запаха паленой плоти и пластика. Но вместо этого почувствовал падение. Не физическое падение тела с кресла — само кресло под ним растворилось. Гравитация просто перестала существовать. Его засосало в воронку визуального шума, закрутило, лишив точек опоры, а затем с размаху швырнуло спиной о твердую, влажную землю.

Удар выбил воздух из легких.

Первое, что вернулось — запах. Резкий, пьянящий, состоящий из влажной земли, прелой листвы, озона и чего-то сладко-медового. Так пахнет лес через десять минут после сильного летнего ливня.

Второе — звук. Оглушительный, многоголосый стрекот цикад. Он пульсировал в ушах, сливаясь в единый вибрирующий фон, от которого завибрировали кости черепа. К нему примешивался далекий, мерный шум воды — то ли водопада, то ли быстрой горной реки.

Третье — свет. Он все еще лежал с закрытыми глазами, боясь увидеть выжженный изнутри офис, дымящееся оборудование или, что хуже, психиатрическую палату. Но сквозь веки пробивался мягкий, рассеянный изумрудный свет. Со всем не похожий на мертвенное сияние офисных ламп.

Алексей рискнул открыть глаза.

Над ним качались ветви старой японской сосны. Толстый

ствол, покрытый чешуйчатой корой глубокого красно-коричневого цвета, уходил высоко в небо, распускаясь идеальной зонтичной кроной. Сквозь иглы просеивались косые лучи заходящего солнца, окрашивая воздух в золото и бронзу.

Он сел, отряхивая ладони от влажной почвы. Под ним пружинил толстый слой мягкого мха, усыпанного мелкими белыми цветами, которых он никогда раньше не видел.

— Баг, — вслух сказал Алексей. Голос прозвучал глухо и неуверенно. — Графический баг окружения. Загрузка ассетов пошла по неверному пути. Я сейчас сниму шлем...

Шлема на голове не было. Как не было и самого игрового кресла, гарнитуры, проводов тактильной обратной связи. На нем были его домашние треники с растянутыми коленками, потертая футболка с логотипом какого-то древнего дистрибутива Linux и шерстяные носки, которые он носил, потому что из окна всегда дуло. Никакого нейроинтерфейса. Никаких перчаток. Только его собственное тело, которое вполне отчетливо ощущало прохладу вечернего воздуха и легкий зуд от укусов комаров на шее.

Он поднял руку и ущипнул себя за предплечье. Боль была острой, настоящей. Настоящей настолько, что выступили слезы.

Алексей медленно поднялся на ноги. Земля едва заметно шла ходуном — остаточный эффект пространственного перехода, решил его мозг, лихорадочно пытаясь найти рациональное объяснение. Он стоял на склоне холма, густо зарос-

шего смешанным лесом. Внизу, в долине, куда спускалась извилистая тропинка из плоских речных камней, виднелись крыши домов. Деревянные, с загнутыми вверх краями карнизов, покрытые темной черепицей. За крышами поднимались легкие струйки дыма, пахнущего жженым углем и готовящимся рисом.

— Япония, — констатировал Алексей, глядя на идеально сформированную крону дерева. — Хаконе? Киото? Нет, слишком первозданно для туристических мест. Локация-заглушка?

Его аналитический ум отказывался принимать реальность происходящего и немедленно включил единственную доступную защиту — профессиональную деформацию. Если это не сон, не кома и не смерть, значит, это программная среда. Закрытый бета-тест. Тот самый «Виртуальный мир» из письма.

«Отказ невозможен». Кажется, они не шутили.

Он достал из кармана смартфон. Пять процентов заряда. Индикатор сети показывал перечеркнутый кружок. Wi-Fi мертвый. GPS тоже. Смартфон превратился в дорогую камеру и калькулятор. Алексей сделал несколько фотографий пейзажа — нужно будет потом покадрово разобрать рендер травы и шейдеры освещения воды, если он выберется отсюда. Фотографии получились идеальными. Ни единого цифрового шума, ни одной ошибки сжатия. Травинки выглядели пугающе настоящими.

Нужно было найти администратора зоны. Или терминал выхода. Обычно в любой игре, даже самой бесшовной, есть точки принудительного дисконнекта — лавочки, кровати, специальные порталы в городах. Главное — добраться до обжитой территории.

Тропинка из речного камня вела вниз. Алексей пошел по ней, стараясь ступать аккуратно. Каждый шаг отзывался непривычным эхом. В офисе его шаги поглощал ковролин, здесь же подошвы шерстяных носков тихо шаркали по камню, и этот звук казался оглушительно громким в симфонии цикад.

Чем ниже он спускался, тем теплее становился воздух. Запахи сгушались. К запаху леса добавился аромат жареного угря и цветущей сакуры. Хотя стояла ранняя весна — Алексей понял это по тому, как легко он дышит, несмотря на физическую нагрузку. В Москве в это время года снег только начинал чернеть и вонять реагентами. Здесь же природа находилась в той самой точке абсолютного пика цветения, которую японцы называют *ханами*.

Из-за поворота показался первый дом. Традиционный *минка*, построенный, судя по цвету древесины, лет сто назад. Стены из темного бруса, бумажные стены-*сёдзи* (некоторые раздвинуты, открывая вид на внутренний двор), соломенная крыша. Дом утонул в саду. И какой это был сад.

Алексей остановился, забыв, как дышать.

Это не было работой ландшафтного дизайнера. Это бы-

ло невозможно спроектировать. Огромное дерево глицинии свисало над каменным мостиком фиолетовым водопадом соцветий размером с виноградные грозди. Посреди пруда цвел остров из алых японских кленов, их отражение в абсолютно неподвижной воде создавало иллюзию жидкого пламени. Мшистые камни, поросшие бархатным ворсом, располагались группами по принципу семи-пяти-три — классическая композиция *исигуми*.

На веранде дома, подстелив колени пледом, сидела седая женщина в темно-синем кимоно. Она неторопливо помещивала длинной ложкой что-то в чугунном котелке, стоящем на маленькой переносной печке. Рядом с ней на деревянном столике остывала чашка с бледно-зеленым напитком. Женщина напевала себе под нос простую мелодию, совершенно не попадая в ноты, но делая это с таким спокойствием, что Алексею стало стыдно за свое присутствие.

Она почувствовала его взгляд. Не обернулась резко, не вздрогнула. Просто закончила мешать, отставила ложку, вытерла руки о край передника и повернула голову. Ее лицо было испещрено глубокими морщинами, но кожа сохраняла удивительную гладкость, а глаза — молодые, темные, блестящие — смотрели на него без тени страха или удивления.

— Заблудился, сынок? — спросила она на чистом русском языке. Без акцента. Без малейшей интонационной странности. Так говорят бабушки в деревнях под Рязанью.

Мир Алексея треснул по швам второй раз за последние

пятнадцать минут. Программная среда дала критический сбой логики. NPC не могут говорить на родном языке игрока, если игра позиционируется как глобальная MMORPG. Тем более такие NPC не должны сидеть у прудов с агати в древней Японии.

— Вы... говорите по-русски? — выдавил он. — Говорю, — кивнула женщина. — Садись, горе луковое. Ноги промочил совсем, весь дрожишь. У меня суп почти готов, мисо с грибами мацутаке. Укрепляет дух лучше всякого кофе.

Она говорила правильные вещи. Алексей действительно замерз, пока бежал по лесу, а теперь, на адреналиновом откате, его начал бить колотун. Он послушно поднялся по скрипучим ступеням веранды и опустился на предложенную плетеную циновку. Древесина приятно грела даже сквозь ткань треников.

— Меня зовут тетушка Каэдэ, — представилась женщина, половником разливая густой, пряно пахнущий суп по керамическим пиалам. — А ты ведь не из местных будешь. Лицо у тебя беспокойное. Городское. Токийский клерк? — Программист, — машинально ответил Алексей, принимая горячую пиалу двумя руками. — Из Москвы. — Далеконько занесло, — усмехнулась Каэдэ, протягивая ему деревянные палочки. — Хотя какая разница. Сюда многие попадают издавна. Место такое. Точка сборки.

Алексей осторожно попробовал суп. Это был удар по всем рецепторам. Глубокий, насыщенный вкус умами, текстура

упругого тофу, земляной аромат редких грибов. Еда в реальном мире давно утратила такую яркость. Корпоративные обеды в бизнес-центрах, доставка роллов в пластиковых контейнерах, пересушенная куриная грудка на ужин — вся его гастрономическая карта памяти состояла из компромиссов. Этот суп был вызовом всей его предыдущей жизни. Он был настоящим.

— Точка сборки? — переспросил он, чувствуя, как тепло разливается по пищеводу. — Место, где мир разрешает тебе собрать себя заново, — охотно пояснила старушка, наливая ему зеленый чай. — Ты пришел через Разлом, я вижу. По глазам твоим туманным вижу. Обычно оттуда либо зверье лезет, погани разной полно, либо люди выпадают... поломанные. Осколочные. А ты целый. Только очень пыльный внутри. Заставили тебя быть удобным, да, программист? Прямоугольно упаковали, чтобы в серверную стойку влезть?

Алексей поперхнулся чаем. Старуха смотрела на него с лукавым прищуром, но в глубине ее зрачков плескалось знание такой плотности, что становилось не по себе. Она описывала состояние души языком, которым пользуются психотерапевты на дорогих сеансах. Или алгоритмы поведенческого анализа.

— Где мы находимся? — спросил он напрямую. — Это «Виртуальный мир»? Проект закрытого бета-теста? Мне нужен администратор. Или команда /logout. Кэздэ звонко рас-

смеялась. Смех был похож на треск сухих веток в костре. — Выплюнь эти слова, милый. Они застревают у тебя между зубами, мешают улыбаться. Нет тут никакого «логаута». И админа не дозовешься, крик сорвешь. Тут только мы и горы. И правила простые: рассвет сменяет закат, вода течет вниз, а человек должен жить, пока живет. Билеты обратно касса не продает. У тебя билет в один конец.

Слова упали в тишину сада тяжелым камнем. Билет в один конец. Сердце Алексея пропустило удар, а затем забилось с панической частотой. Паника поднялась из желудка ледяной волной. Один конец. Навсегда. Мать. Отец. Старый пес Ральф, которого некому будет вывести на прогулку. Кредит за однушку в Бутово. Несохранившиеся изменения в проекте, из-за которого завтра Тимлид устроит показательную казнь на дейли-митинге. Вся его прежняя жизнь, брошенная там, за белой вспышкой.

— Это ошибка, — прошептал он. — Произошел сбой оборудования. Нейроинтерфейс пережег зрительный нерв, и мой мозг генерирует эту симуляцию перед смертью. Знаменитый феномен предсмертных видений, только гипертрофированный стрессом... — Ох уж мне эти городские мозги, — вздохнула Каэдэ, подвигая к нему тарелку с солеными водорослями. — Вечно вы пытаетесь объяснить чудо дыркой в проводах. Посмотри на свои руки, Алеша.

Он тупо уставился на свои ладони. Длинные пальцы, вечный тремор от переизбытка кофеина, обгрызенный ноготь на

большом пальце. Белая кожа, привыкшая к отсутствию ультрафиолета.

— Видишь линию жизни? — Каэдэ взяла его правую руку своими сухими пальцами. — Она у тебя рвалась. Буквально пару дней назад. Как перегоревший кабель. А теперь смотри снова.

Алексей перевел взгляд. Ничего не изменилось. Та же линия, те же мозоли от механической клавиатуры.

— Я ничего не... — Тише, — мягко перебила она. — Не глазами смотри. Внутри смотри. Чувствуешь?

И он вдруг почувствовал. Легкое покалывание в кончиках пальцев, словно кровь впервые за много лет дошла до самых капилляров. Он сжал ладонь в кулак и разжал. Суставы двигались плавно, без привычного утреннего хруста. Усталость, которая годами висела на плечах бетонной плитой, внезапно отступила. Она не исчезла полностью — база осталась, фундамент усталости от тридцати двух прожитых лет — но сверху кто-то снял пару тяжелых слоев. Дышать стало легче. Воздух больше не казался ядовитым газом мегаполиса.

— Мой пес... — голос дрогнул. — Ральф. Кто выведет его утром? — Сосед твой выйдет, — спокойно сказала Каэдэ. — Мария Петровна со второго этажа. Она ему всегда косточки куриные через забор кидает, когда думает, что никто не видит. Хороший у тебя сосед, Алеша. Живой. Не то что ты в последнее время.

Старуха попала в самое больное место. Алексей жил в

своём доме-призраке, обмениваясь короткими кивками с людьми в лифте. Мария Петровна действительно существовала. И про куриные кости откуда ей знать?.. Разве что...

— Вы читаете мои воспоминания? — догадался он. — Это продвинутый AI? Сбор биометрических данных через эмоциональный отклик? Новая метрика вовлеченности пользователя? — Я варю суп, — ответила Каэдэ, снимая котелок с огня. — А память твоя лежит на поверхности, как масло на воде. Ты столько лет давил в себе живого человека ради строчек кода, что твои воспоминания перестали быть твоей собственностью. Они стали общим местом. Паркингом для тревог.

Она наложила ему полную пиалу риса. Рисинки лежали одна к одной, поблескивая в свете бумажного фонаря, который она зажгла над столом. Идеальная сферичность каждой крупинки гипнотизировала.

— Допустим, — Алексей старался держаться за остатки своего скепсиса, как утопающий за обломок мачты. — Допустим, это правда. Я застрял. Случайно. Что мне делать? Искать деревню? Строить базу? Фармить ресурсы? Какой здесь уровень мобов? Есть ли РК-зоны? — Делать? — Каэдэ задумчиво пожевала губами. — Для начала — снять эти дурацкие носки. Шерсть весной влагу держит, простудишь почки. Потом — съесть этот рис. Пока он горячий. А дальше... Дальше поспать. Утро вечера мудренее. Тебе нужна ночь тишины. Твой разум сейчас галдит громче всех цикад в этом

лесу, друг друга не слышат. Пусть выгорит лишний огонь.

Она встала, опираясь на перила. Несмотря на возраст, спина ее была прямой. — Постелю тебе в дальней комнате. Окно выходит на восток. Завтра увидишь, как солнце поднимается из-за хребта Хаконэ. Такое зрелище лечит любую ошибку компиляции души.

Алексей хотел возразить. Хотел потребовать главного инженера сервера, хот-спот, зарядку для телефона, хоть что-нибудь из материального мира. Но рот наполнился слюной от вида горячего риса, а веки налились свинцом. Адреналиновый шторм, державший его в тонусе, окончательно схлынул, оставив после себя звенящую пустоту и дикий, животный голод.

— А деньги? — зачем-то спросил он. — Чем платить за ночлег? У меня только пятьсот рублей наличными в кармане и заблокированная кредитка. — Оставь их лягушкам в пруду, пусть играют в магазин, — махнула рукой Каэдэ. — Здесь другая валюта принимается. Искренность. Способность удивляться. И умение вовремя заткнуться и дать природе сделать свою работу. С первым у тебя туго, второе появилось только что, а третье... ну, будем тренироваться.

Комната оказалась крошечной. Пол из золотистого тами, низкий потолок с массивными балками, встроенный шкаф-оси-ирэ. Вместо кровати — тяжелый ватный футон, расстеленный прямо на полу. Пахло сухой полынью и кедром.

Окно действительно выходило на восток. Оно было открыто, и сквозь него в комнату залетал прохладный ветерок, шевеля края легкой бумажной ширмы. Алексей сбросил мокрые носки и забрался под одеяло. Ткань приняла форму его тела мгновенно, окутав теплом, безопасным и уютным, как утроба.

Сквозь приоткрытую дверь он слышал, как Каэдэ моет посуду. Тихий плеск воды, звон керамики. Звуки домашнего очага, которых он не слышал с детства, когда бабушка приезжала к ним на дачу.

Его мозг, натренированный искать баги и уязвимости, продолжал работать. Он анализировал архитектуру пространства. Отсутствие интерфейса пугало — никакой миникарты в углу зрения, никаких индикаторов здоровья или выносливости. Полная сенсорная депривация от цифровых костылей. Если он наступит на змею, полоска НР не покраснеет предупреждающим цветом. Придется полагаться только на зрение и слух. Это делало ситуацию смертельно опасной. И невероятно живой.

«Если это бета-тест, то разработчики — больные гении», — подумал Алексей, проваливаясь в сон. — «Полная иммерсивность. Никаких лутбоксов. Экономика завязана на психологическом состоянии. Интересно, можно ли тут умереть по-настоящему?»

Эта мысль должна была вызвать ужас. Но вместо нее пришло лишь холодное любопытство исследователя.

Сон накрыл его тяжелой, мягкой волной. Последнее, что зафиксировало сознание прежде, чем отключиться — это силуэт старой сосны на фоне стремительно темнеющего неба и осознание того, что завтрашний созвон в Zoom отменяется. Вместе со всеми дедлайнами, квартальными премиями, ипотекой и статусом «Middle+ Developer».

Впервые за десять лет будильник не имел над ним власти.

Просыпаться без резкого, ненавидимого писка смартфона было странно. Алексея разбудил свет. Солнце, огромное, красное, новорожденное, медленно всплывало из-за зазубренной линии черных гор далеко на горизонте. Лучи били точно в окно, превращая пылинки в воздухе в золотую взвесь.

Он проспал девять часов. Девять часов непрерывного, глубокого сна без сновидений о серверах, базах данных и просроченных задачах в Jira. Тело казалось невесомым. Головная боль, ставшая его постоянной спутницей еще со времен университета, исчезла.

Дом был тих.

Алексей поднялся, надел высохшие, но все еще чуть влажные треники и вышел в общую гостиную. Котелок с вчерашним супом стоял на столе прикрытый деревянной крышкой. На расписной лаковой тарелке лежала горка онигири, завернутых в листья бамбука. Рядом — маленькая пиала с какими-то маринованными овощами ярко-желтого цвета.

Тетушки Каэдэ нигде не было. Входная дверь-амадо была плотно закрыта, но заперта снаружи на простую деревянную задвижку. Словно хозяйка вышла на минуту нарвать трав для чая.

Алексей подошел к двери, толкнул ее. Сухие створки легко разъехались. Утренний воздух ударил в лицо запахом росы и свежести.

Он обошел дом кругом. Сад был пуст. Следы деревянных гэта вели от заднего крыльца в сторону бамбуковой рощи и там обрывались. Старушка словно растворилась в тумане, который еще цеплялся за нижние ветви деревьев.

Паника попыталась вернуться — остаться одному в неизвестном мире, без знания языка и обычаев. Но желудок требовательно заурчал, напоминая о рисе.

Алексей вернулся в дом. Сел за стол. Взял палочки. Помедлил секунду, вспоминая правильную постановку пальцев, и решительно ухватил ближайший онигири. Рис оказался посыпан кунжутом и скреплен легким касанием соли. Простейшая еда. Основа основ.

С каждым куском, который он тщательно прожевывал, не отвлекаясь на мысли, кусочки паззла в его голове становились на место.

Разлом. Точка сборки. Билет в один конец.

Если исходить из того, что письмо не врало и протокол подключения активировался принудительно, значит, система считает его частью себя. Отсутствие кнопки выхода озна-

чает лишь отсутствие прав доступа к функции завершения сессии. Рядовой пользователь не может нажать Alt+F4 в реальности. Значит, нужно получить права администратора. А единственный способ повысить привилегии в незнакомой системе — это изучить ее документацию. Понять синтаксис команд. Узнать API.

Документацией здесь был сам мир. Правила физики работали безупречно — гравитация тянула вниз, предметы обладали массой, огонь жег, вода текла. Значит, физический движок стабилен. Социальный слой отсутствовал — кроме Каэдэ, Алексей не встретил ни одного гуманоида. Возможно, стартовая зона рассчитана на одиночное прохождение туториала.

Еда восстанавливала силы. Это проверяемый факт. Значит, существует механика сытости. Вода утоляет жажду. Сон восстанавливает когнитивные функции.

Алексей закончил завтрак, сложил посуду в таз с водой и вымыл ее песком, как делала вчера Каэдэ. Песок отлично снимал жир. Базовое знание химии работало и здесь.

Когда он вышел на порог, сжимая в руке подаренную вчера старую плетеную шляпу-терри, туман почти рассеялся. Тропа из речного камня призывно убегала вниз, туда, где в лучах утреннего солнца блестела черепица деревни. Справа от тропы, привязанный к ветке молодой сосны простой пеньковой веревкой, висел узелок. Обычный тканевый узелок, какие носят странники в исторических фильмах.

Алексей подошел ближе. Внутри оказались: кусок вяленого мяса, твердая как камень лепешка, фляга с чистой водой и короткий нож в деревянных ножнах. Клинок ножа был тусклым, из плохого железа, явно не боевой, скорее кухонный или садовый. Но лезвие остро отточено.

К узлу была прикреплена записка, нацарапанная на плоской щепке древесным углем:

Дорога идет вдоль ручья. Не сворачивай в чащу, пока не научишься слушать деревья. В деревне спроси мастера Хиро, кузнеца. Скажи, что прислала Каэдэ. И купи нормальные ботинки, программист. Босиком по гравию ходят только просветленные идиоты.

Алексей невольно фыркнул. Уголок его губ дернулся вверх впервые за долгое время. Просветленный идиот. Неплохой статус для персонажа первого уровня.

Он надел шляпу, перекинул узелок через плечо. Нож сунул за пояс треников, жалея об отсутствии ремня. Взглянул в последний раз на дом с изогнутой крышей.

Там, позади, остались бесконечные стендапы, токсичный тимлид, душный опенспейс, счета за коммунальные услуги и старый пес Ральф, который наверняка уже поскребся в дверь к Марии Петровне.

Здесь впереди была неизвестность. Опасность. Возможность наконец-то написать свой собственный код с нуля, без легасу-наследия родителей и общества. Без библиотек чужих ожиданий.

Алексей поправил узелок на плече и сделал первый шаг по тропе. Камень под босой стопой был холодным и шершавым. Впереди, за поворотом, блеснула синяя лента ручья и первые крыши деревни, просыпающейся к новому дню.

Бета-тест начался. Документация ждала своего первого читателя.

Глава 2. Самурай без меча, но с чувством юмора

Тропа из речного камня кончилась внезапно. Она просто уперлась в утрамбованную до состояния камня грунтовую дорогу, по которой совсем недавно прогнали стадо — свежий навоз еще не успел засохнуть и источал густой деревенский аромат. Алексей остановился на границе леса, переводя дух.

Пейзаж перед ним выглядел так, словно кто-то выставил максимальное разрешение текстур и забыл включить оптимизацию. Деревня была абсолютно настоящей. Не декорацией для туристического аттракциона, а живым, дышащим организмом из потемневшего дерева, серой черепицы и сизого дыма.

Дома здесь стояли тесно, прижимаясь друг к другу боками, как замерзшие путники у костра. Нижние этажи многих зданий имели открытые фасады-усиро, забранные лишь раздвижными решетками. За ними виднелись полки с мотками грубого полотна, связки сушеной рыбы, мешки с рисом и глиняные горшки. Никаких вывесок с неоновыми иероглифами. Только деревянные таблички-фуда, где тушью были выведены каллиграфические знаки. Алексей знал ровно два японских слова — «суши» и «аниме», поэтому прочи-

тать ничего не смог, полагаясь исключительно на контекстную подсказку собственного мозга: там пахнет углем — кузница; там звенит металл — оружейник; там тянет сладким соевым соусом и жареным тестом — еда.

Люди двигались по улице неспешным, экономным потоком. Женщины в простых хлопковых юката, повязанных широкими поясами оби, несли на коромыслах деревянные ведра с водой от общего колодца. Мужчины тащили на плечах коромысла с вязанками хвороста или катили груженные тележки. Одежда преобладала темных, немарких цветов: индиго, серый пепел, выцветший коричневый. Яркими пятнами выделялись только дети, гонявшие босиком пыльный тряпичный мяч, да редкие куртизанки высшего ранга, чьи сложные прически-колосья и многослойные шелковые одеяния казались пришельцами из другого мира на фоне этой суровой простоты.

Это был Эдо. Или его безупречная симуляция. Период Токугава. Алексей узнал характерный изгиб крыш, форму деревянных сандалий-гэта, цокающих по брусчатке, и общую атмосферу густого, непричесанного человеческого улья. Уровень исторической достоверности бил все рекорды шейдеров. Он даже мог разглядеть грязь под ногтями у пробежавшего мимо рикши.

Его собственные треники цвета мокрого асфальта пока что сходили за странные короткие штаны какого-нибудь подмастерья, но вот футболка с пингвином Тух выдавала в нем

чужака с головой. Нужно было срочно менять гардероб. И зарабатывать местную валюту. В кармане лежали бесполезные пятьсот рублей с изображением Хабаровска, пластиковая карта Тинькофф и ключ от квартиры. Здесь они стоили меньше, чем бумага, на которой напечатан чек.

Желудок свело спазмом. Запах еды стал невыносимым. Алексей сглотнул слюну и решительно направился туда, откуда доносился самый сложный, многокомпонентный аромат — смесь мясного бульона, свежего зеленого лука и ферментированной бобовой пасты.

Вывеска над входом представляла собой длинную деревянную колотушку, на которой кривовато, явно нетвердой рукой местного художника, было намалевано нечто среднее между лапшой и удавом. Под ней болталась фуда с двумя знаками: «Юки». Снег. Простое имя для простого места.

Трактир представлял собой тесное помещение шагов десять в длину. Стойка из полированного кипариса занимала треть пространства. За ней шипели две огромные железные сковороды-вок. Остальное место занимал земляной пол, застеленный старыми татами, которые видели на своем веку тысячи пьяных клиентов. Низкие столики-тябудай требовали сидеть, поджав ноги, но большинство посетителей предпочитали есть стоя, быстро, чтобы не занимать место.

Атмосфера стояла плотная, осязаемая. Густой табачный дым от длинных трубок-кисеру смешивался с паром от котлов, запахом мужского пота, дешевого саке и влажной шер-

сти. Это был запах честной бедности и тяжелого труда. Люди приходили сюда не отдыхать душой, а заправлять баки топливом, чтобы дожить до завтрашнего утра.

За стойкой орудовала женщина. На вид ей было около тридцати, хотя жизнь могла набросить сверху еще десяток. У нее были широкие плечи, сильные руки, привыкшие месяцами ворочать тяжеленные чугунные котлы, и удивительно мягкое, круглое лицо. Черные волосы она убрала назад простой лентой, но несколько прядей постоянно выбивались и падали на лоб, когда она наклонялась над огнем. Заметив Алексея, Юки (а это наверняка была она) на мгновение замерла с огромным черпаком-дозу в руке. Ее взгляд скользнул по его футболке, задержался на босых ногах, покрытых городской пылью, и удивленно приподнял бровь. Чужак. Причем чужак совершенно дикий.

— Мисо-сиру? Рамен? Жареный удон? — бросила она стандартную формулу приветствия, не отрывая глаз от шкварчащего мяса. Голос у нее оказался низким, чуть хрипловатым, прокуренным, но приятным. Как звук старой граммофонной пластинки. — Все три, — ляпнул Алексей, подходя вплотную к стойке. — И зеленый чай. Самый крепкий, какой есть. Мой мозг сейчас работает на остаточном гликогене.

Юки наконец повернулась к нему полностью. Черпак замер над миской. — Ты выглядишь так, будто тебя стошнило радугой прямо на одежду лесоруба, — констатировала она.

— И говоришь странно. Словно жуешь камни. Садись вон туда, в угол, если не хочешь отдавить ноги самураю у двери. Сейчас вынесу порцию. Три монеты серебром.

Алексей похолодел. Серебро. У него не было даже медной монетки. Он запустил руку в карман треников и вытащил смятую купюру в пятьсот рублей. Развернул ее.

В трактире мгновенно стало тихо. Очень тихо. Прекратилось чавканье. Замерли палочки над мисками. Даже огонь в очаге, казалось, перестал трещать. Десятки пар глаз уставились на прямоугольник плотной бумаги с фиолетовыми разводами и портретом мужчины в старинном мундире.

Самурай у двери — здоровяк с косичкой-пальмагэ, в потертом хаори поверх голого торса, сплошь покрытого синими татуировками драконов, — медленно положил ладонь на рукоять заткнутого за пояс вакидзаси. Короткого меча, предназначенного скорее для вспарывания брюха себе в случае позора, но вполне пригодного для отделения головы любопытного бродяги.

— Колдовская бумага, — прошептал старик в углу, жующий редьку дайкон. — Духи печатают лица мертвых чиновников на бумаге, чтобы забрать их души. — Это пропуск в мир духов? — громогласно спросил краснолицый торговец солью рядом. — Парень, ты призрак?

Алексей понял, что совершил критическую ошибку интерфейса. Попытка расплатиться чит-кодом в низкоуровневой зоне вызвала агрессию NPC. Нужно было немедленно

откатить патч.

Он поднял руки вверх, демонстрируя пустые ладони. Медленно, плавно, как учат на курсах деэскалации конфликтов. — Прошу прощения за беспокойство, уважаемые господа, — начал он громко, используя самую вежливую грамматическую конструкцию, которую смог извлечь из глубин памяти. — Я путешественник из очень далекой провинции. Настолько далекой, что почтовые голуби туда летят против ветра целый год. Там деньги делают из коры священного дерева, которое растет только на болотах. Местные лекари говорят, что прикосновение такой банкноты лечит ревматизм, но вызывает неудержимое желание танцевать...

Торговец солью моргнул. Его красная физиономия вытянулась. Самурай у двери озадаченно нахмурился, пытаясь обработать массив входящих данных. — ...поэтому наши старейшины запретили использовать эти деньги для покупки еды, — вдохновенно продолжал Алексей, чувствуя, как просыпается старый студенческий навык импровизации на экзаменах. — Мы меняем их на соль. Фунт коры за фунт соли. Выгодный курс, кстати. Но я свои запасы уже обменял вчера в порту на вот эту чудесную шляпу. А последнюю бумажку берегу как талисман. Показываю только хорошим людям, чтобы отпугивать злых духов налоговой службы.

Он улыбнулся самой обезоруживающей улыбкой из своего арсенала. Той, которая раньше помогала ему получать продление дедлайнов от самых строгих менеджеров проек-

тов.

Напряжение начало спадать. Сначала хмыкнул молодой грузчик у стойки. Затем загоготал торговец солью, хлопнув себя по коленям. Идея о налогах оказалась понятна любому социальному слою эпохи Эдо. Самурай убрал руку с меча, потеряв интерес. Призраки, конечно, страшны, но люди, понимающие суть поборов — свои ребята.

Юки смотрела на него во все глаза. Хмурое выражение на ее лице сменилось сначала недоверием, потом изумлением, а затем уголки ее губ дрогнули. Она запрокинула голову и расхохоталась. Громко, заливисто, тряся плечами. Смех хозяйки трактира сработал лучше любого системного сообщения [УСПЕШНАЯ ПРОВЕРКА НА УБЕЖДЕНИЕ]. Если смеется тот, кто раздает еду, значит, резать гостя сегодня не будут.

— Против налогов, значит? — переспросила она, вытирая выступившие слезы краем рукава. — Наглый. Мне нравится. Садись за стойку, шутник. Сегодня твой кредит открыт. Но завтра чтоб принес либо серебро, либо хорошую историю. Я люблю истории больше, чем серебро. От серебра толстеют, а от историй иногда бывает весело.

Алексей благодарно кивнул и занял указанное место на низкой деревянной скамье. Юки сноровисто схватила глубокую пиалу, плеснула туда кипятку из огромного медного чайника, венчиком взбила изумрудный порошок матча. Перед Алексеем возникла плошка густого, почти черного от мисо супа, в котором плавали островки тофу и водорослей

вакаме. Рядом шлепнулась гора дымящегося рамена — толстой пшеничной лапши в насыщенном свином бульоне тясю, украшенная маринованным бамбуком менма и половинкой яйца аджитама с жидким желтком.

— Ешь, — приказала Юки, возвращаясь к своим вокам. — Молча. Когда рот занят едой, глупости вылетают из головы вместе с паром.

Алексей спорить не стал. Первый же глоток бульона вызвал у него физический спазм удовольствия. Это был вкус умами в абсолютном, химически чистом виде. Глутамат натрия тут отдыхал. Это была эссенция концентрированного свиного счастья, сваренная на костях, которые томились сутки. Лапша имела идеальную упругость — *кате*, как сказали бы японцы. Не разварившаяся в кисель слизь из пластиковой коробки, а самостоятельный продукт, впитавший соус, но сохранивший структуру.

Он ел, закрыв глаза, игнорируя любопытные взгляды других посетителей. Каждый кусок возвращал ему силы буквально на физическом уровне. Индикатор сытости в левом верхнем углу зрения, которого не существовало, определенно заполнился бы до краев.

Когда дно миски обнажилось, а тепло растеклось по телу приятной волной, Алексей откинулся на перегородку. Чувство голода уступило место ясности ума.

— История, — напомнила Юки, ставя перед ним чашку с горячим зеленым чаем. Теперь она опиралась локтями о

стойку, внимательно глядя на него. Работа никуда не делась, клиенты требовали внимания, но этот странный парень зацепил ее внимание. — Рассказывай. Только правду. Я ложь нутром чую, она пахнет скисшим молоком. Почему ты одет как утопленник из будущего?

Ложь действительно пахнет скисшим молоком. Отличная метафора для алгоритма распознавания образов. Алексей посмотрел на свое отражение в темной поверхности чая. Растрепанные темные волосы, трехдневная щетина, лихорадочный блеск в глазах. Безумец. Классический городской сумасшедший.

— Ложь звучит проще, — сказал он честно. — Ложь заключается в том, что я — тайный инспектор сегуна, проверяющий чистоту котелков в придорожных харчевнях. Правда же... правда гораздо безумнее. Я провалился сквозь щель в пространстве. Моя реальность похожа на вашу примерно так же, как нарисованная картина похожа на живой лес. У нас другие дома. Железные повозки без лошадей, которые едут сами. Огонь, который живет внутри стеклянных коробок и показывает картинки.

Он говорил тихо, доверительно, наклонившись к ней через стойку. Посетители вокруг делали вид, что заняты своими делами, но уши каждого были направлены в их сторону. — И в моей реальности люди забыли, как быть людьми. Мы сидим в маленьких каменных клетках весь день и двигаем пальцами по гладким доскам. Мы смотрим в светящиеся ок-

на вместо того, чтобы смотреть на небо. Мы боимся тишины. Я боялся тишины больше всего. Пока однажды вспышка света не вырвала меня оттуда и не швырнула в ваш огород. Прямо в кусты азалии тетушки Каэдэ.

Юки слушала, не перебивая. Ее широкое лицо стало серьезным. Она взяла чистую тряпку и принялась протирать и без того чистый черпак медленными, механическими движениями. — Азалия у Каэдэ ядовитая, — сказала она после долгой паузы. — Если съесть цветок, можно увидеть бога. Или демона. Кому как повезет. Значит, ты отравленный гость. Понятно теперь, почему от тебя несет грозой и жженым сахаром. — Жженым сахаром? — удивился Алексей. — Так пахнет воздух перед ударом молнии, — пояснила трактирщица. — И так пахнут люди, которых слишком долго били током судьбы. Искришься немного.

Она вздохнула, оглядывая зал. Толпа начала редеть. Грузчики ушли на разгрузку утренних барж, торговцы отправились собирать долги. — Хорошо рассказываешь, — оценила Юки. — Почти веришь. Но про железные повозки лишнее добавил, перегрузил сюжет. Надо было остановиться на молниях. Ладно. Сказочник из тебя выйдет. Но сказками мой котел не наполнишь. Что делать умеешь, кроме как языком чесать?

Вопрос поставил Алексея в тупик. Что он умеет? Писать код на Python и Java? Рефакторить легаси-базы данных SQL? Проводить ретроспективы спринтов? В мире, где са-

мым сложным механизмом является деревянный ткацкий станок, его профессиональные навыки равнялись нулю. Он был высокоуровневым магом в стартовой локации для воинов первого уровня. Мана полная, кастовать нечего.

— Я умею считать быстрее всех, кого знаю, — рискнул он. — Могу держать в голове сразу семь разных цепочек событий и предсказывать результат. Например, я вижу, что вон тот человек у окна, — Алексей едва заметно кивнул в сторону неприметного типа в соломенной шляпе, который якобы дремал над пустой чашкой, — выпил уже четыре порции самого дешевого sake. Он пришел не пить. Он ждет, когда лоточник напротив принесет корзину с рыбой. Рыба дорогая, лед для нее стоит дороже самой рыбы. Лоточник опаздывает на двадцать минут. Человек у окна начинает нервничать. Его левая нога дергается. Через три минуты он пойдет разбираться с лоточником, найдет повод для драки, прольет соевый соус на ваше новое татами, и вам придется чинить его ночью. Итог: убыток, испорченное настроение и разбитый нос у одного из участников.

Алексей сделал глоток чая. Тип у окна медленно выпрямился, поправил воротник и, оставив монеты на столе, быстрым шагом вышел вон. Видимо, решил не дожидаться рыбы вовсе.

Юки проследила за уходящим взглядом Алексея, затем перевела глаза на него. В них мелькнуло уважение пополам с профессиональным интересом лавочника. — Полезный дар,

— хмыкнула она. — Наблюдательность называется. Обычно ею обладают хорошие ниндзя или плохие шпионы. Ни те, ни другие долго не живут, зато дорого стоят. Но мне трупы в зале не нужны. Еще что-нибудь? — Я могу убеждать людей покупать то, что им не нужно, — продолжил Алексей, входя в раж. — Называется маркетинг. Психология потребления. Вот смотрите. Зачем человеку покупать вторую пару гэта, если старые еще держат воду? Ему это не нужно. Но если сказать ему, что новые гэта сделаны из древесины храма богини Бэнтэн, и каждый шаг в них приносит удачу в любви... Он купит. Потому что мы покупаем не вещи. Мы покупаем надежду на лучшую версию себя.

Юки надолго замолчала. Она смотрела на Алексея так, как энтомолог смотрит на новый вид жука. Опасливо, но с научным восторгом. — Надежда на лучшую версию себя, — повторила она медленно, пробуя фразу на вкус. — Красиво сказано. Почти красиво, как стихи Басё, только полезнее для кошелька.

Она сняла с крючка чистое полотенце и бросила его Алексею. — Держи. — Это белый флаг? — пошутил он, ловя ткань. — Это форма, — отрезала Юки. — До заката солнца ты работаешь зазывалой. Выходишь на улицу. Стоишь у входа. Твоя задача — сделать так, чтобы внутрь зашли минимум двадцать человек. Не оборванцы, которые просят воды бесплатно, а приличные люди с монетой. Используй свою психологию. Расскажи им про древесину храма. Или про то, что

мой лук растет на земле, удобренной золотом китайских императоров. Мне все равно. Если приведешь двадцать платящих ртов — ужин твой. Если тридцать — получишь серебряную монету обан. На нее можно снять комнату в квартале красных фонарей на неделю. Или купить нормальные штаны и соломенные сандалии здесь, у старьевщика.

Двадцать человек. Целая армия голодных желудков. Улица была полна людей, но заставить их сменить траекторию движения — задача со звездочкой. Они шли по своим делам, ведомые жестким графиком выживания.

Алексей вышел на порог. Солнце припекало макушку. Он глубоко вдохнул уличную пыль, расправил плечи и стер с лица остатки вчерашней московской апатии. Программист умер на холме возле дома Каэдэ. Сейчас родился кто-то другой. Авантюрист поневоле.

Первые полчаса были катастрофой. — Горячий рамен! Лучший в Эдо! — кричал он поставленным голосом профессионального промоутера. Реакция прохожих варьировалась от полного игнорирования до совета пойти помыться. Один пожилой монах бросил ему медную монетку достоинством в один мон «из сострадания к убогому».

Алексей понял, что прямые продажи не работают. Нужен хайп. Нужен виральный контент.

Он прислонился к дверному косяку, сложил руки на груди и сменил тактику. Вместо криков он перешел на тихий, заговорщицкий тон, обращаясь к ближайшему прохожему —

молодому самураю с бледным, скупающим лицом: — Господин, псст... Хотите узнать, почему личный повар господина наместника района Канда плачет по ночам?

Самурай, ожидавший обычной ругани рыночного зазывалы, сбился с шага. — Что? — переспросил он. — Плачет, — трагическим шепотом подтвердил Алексей. — Из-за лука. Обычный репчатый лук заставляет его плакать, это понятно. Но он плачет потому, что господин наместник вчера съел тарелку рамена в дешевой забегаловке «Юки» и заявил, что хвост омара во дворце меркнет по сравнению с вкусом переваренной свиной рульки этой женщины. Теперь повару грозит сеппуку за профнепригодность. Зайдите, попробуйте грех этого парня. Говорят, одна ложка возвращает аппетит к жизни.

Глаза самурая загорелись азартом дворцовой интриги. Сплетня — лучшая валюта аристократии. Он молча кивнул и скрылся за шторкой входа. Спустя минуту изнутри донесся властный голос Юки: «Сюда садись, павлин. Сейчас лично тебе наложу, раз ты такой тонкий ценитель. Деньги вперед». Дело пошло.

Алексей вошел во вкус. Он стал городским сумасшедшим нового типа — газетой на ножках. Толстому купцу, плетущемуся мимо с веером, он сообщил, что соленья в «Юки» зачарованы старым монахом-отшельником, и тот, кто их съест, сможет договориться о скидке даже с самым жадным поставщиком шелка из Киото. Купец, чей бизнес зависел от умения

торговаться, ломанулся внутрь, сметая зазевавшихся рикш.

Группе веселых гейш низкого ранга, вышедших погреться на солнце, он пообещал, что хозяин заведения безнадежно влюблен в женщин сцены и добавляет в их порцию двойную порцию нежнейшей свиной грудинки тясю, причем мясо нарезано толщиной с крыло бабочки. Гейши взвизгнули и оккупировали половину зала, требуя показать им «влюбленного медведя».

Каждую историю Алексей адаптировал под психотип клиента. Страх потери статуса для самурая. Жадность и надежда на выгоду для торговца. Любопытство и тщеславие для горожан. Он продавал не еду. Он продавал сопричастность к чему-то большему. К секрету. К клубу посвященных.

К полудню у входа в «Юки» собралась небольшая очередь. Слухи распространяются в Эдо быстрее лесного пожара. «Юки» перестала быть просто точкой общепита. Она стала местом, где происходит *что-то*. Где кормят не только желудок, но и эго.

— Сорок второй, — выдохнула Юки, высунувшись из облака пара над котлами. Лицо ее покраснелось, волосы прилипли ко лбу, но глаза блестели ярче обычного. Прибыль текла рекой. — Сорок второй клиент с твоего прихода, Алеша. Я такого оборота не делала даже во время весеннего фестиваля цветения сакуры. Народ идет даже из соседнего квартала пожарных.

Она вытерла руки, подошла к нему и бесцеремонно ухва-

тила за подбородок, поворачивая лицо к свету. — Зубы белые. Кожа чистая, хоть и не видела солнца. Речь грамотная. Кто ты на самом деле? Беглый князь? Принц, переодетый нищим? Тайный христианин? — Я бывший раб светящегося окна, — усмехнулся Алексей, отстраняясь. — Теперь свободный человек. Двадцать обещанных ртов я накормил? — Ты накормил сорок, — ответила Юки, доставая из-под стойки тяжелый кожаный кошелек. Звук десяти тяжелых золотых монет обан, перекатывающихся внутри, был лучшей музыкой, которую Алексей слышал в своей жизни. — Держи. Заработал. И знаешь что? Оставайся.

Она серьезно посмотрела на него. — Мне нужен управляющий. Тот, кто будет стоять на входе, пока я рублю овощи. Тот, кто будет придумывать, как продать вчерашний бульон как «суп мудрости предков». Ты мыслишь иначе. Ты видишь людей насквозь. С тобой выручка выросла втрое. Платить буду долю. Треть от чистой прибыли вечером. Плюс еда. Плюс крыша над головой — можешь спать на втором этаже, там сухо.

Предложение звучало невероятно щедро. Третий уровень менеджмента в стартовой зоне. Алексей взял тяжелый кошелек. Золото приятно оттягивало руку. Настоящее, полновесное золото, а не цифры на банковском счете.

Но что-то внутри сопротивлялось. Программа адаптации давала сбой. Быть управляющим трактира — это надежно. Это безопасно. Это та же самая корпоративная клетка, толь-

ко деревянная и с видом на помои. Он прошел через разрыв в пространстве не для того, чтобы снова сесть в кресло, пусть и более экзотическое.

— Спасибо, Юки-сан, — он поклонился, вложив в движение всю доступную грацию, почерпнутую из просмотра исторических дорам. — Ваше предложение — честь для меня. Ваша кухня спасла мою душу от окончательного окаменения. Но я пришел в Эдо не для того, чтобы считать чужие монеты.

Юки прищурилась, ожидая подвоха. — А для чего? — Чтобы найти свой собственный клинок, — ответил Алексей неожиданно серьезно. — В моем мире оружие решают в судах и офисах. В вашем его решают на острие стали. Я чувствую себя голым без меча. Неуправляющим. Авантюристом. Мне нужно понять правила вашей игры. Научиться ходить по лезвию. Буквально.

Трактирщица молчала долго. Шум улицы, скрип телег, крики разносчиков воды создавали фоновый шум. Она взвешивала его слова. — Клинок без хозяина — просто кусок железа, — наконец произнесла она. — А хозяин без клинка часто оказывается мертв. Романтика дороги быстро заканчивается кинжалом под ребрами в темном переулке. У тебя даже ножа нормального нет, герой. — Нож есть, — Алексей похлопал по спрятанному за поясом кухоннику. — А остальное приложится. Главное — иметь хорошо подвешенный язык. Им можно заболтать стражу, выиграть время или

продать снег эскимосам. Кстати, о снеге... Продайте мне информацию. Информацию тоже едят, когда нет риса.

Юки фыркнула, но уголок ее рта снова пополз вверх. Ей нравился этот невозможный парень. В нем сочетались наглость бродячего актера и расчетливость ростовщика. — Что хочешь знать? Куда ведут лучшие бордели? Где дешевле всего купить фальшивую подорожную? — Мне нужен мастер, — сказал Алексей. — Кузнец. Но не тот, кто делает гвозди для рыбаков в Асакусе. Мне нужен человек, который понимает эстетику смерти. Тот, кто может взглянуть на кусок плохой стали и увидеть в нем поэзию. Я хочу заказать оружие. Но не простое. — Эстетика смерти... — Юки задумчиво потерла переносицу. — Это ты не по адресу в низинах обратился. Эстетика смерти живет на Холмах. Мастер Хиро-кузнец хорош, он тебе топор для дров скует отличный. Но если тебе нужна поэзия — иди к слепому Масахиро в районе Янака. Старый дурак давно не кует мечи на продажу. Он делает их только тогда, когда чувствует подходящего владельца. Говорят, последний клинок он продал три года назад какому-то ронину, и тот спустя неделю вырезал целое поместье коррупционеров. Масахиро с тех пор никого не принимает. Говорит, «железо устало от человеческой грязи». — Как мне убедить усталое железо? — спросил Алексей. — Какую взятку дать металлу? — Никакую, — отрезала Юки. — Масахиро берет только одну плату. Историю. Если твоя история покажется ему достаточно острой, чтобы прорезать

броню его равнодушия, он возьмет заказ. Если нет — спустит с лестницы. Последним двоим просителям он сломал пальцы. Одному за то, что тот хотел «меч, чтобы выглядеть крутым», второму — за попытку заплатить двойной ценой. Старик ненавидит богатых трусов.

Идеальный квест. Найти легендарного мастера, пройти проверку диалогов, получить уникальный предмет. Алексей почувствовал знакомый зуд предвкушения. Это была настоящая RPG. — Адрес? — коротко спросил он. — Последний дом у старого кладбища. Крыша крыта синей черепицей. Ворота всегда открыты, собаки нет, — Юки протянула ему небольшой сверток. — Это вареные яйца в дорогу. Соленое тесто. И не смей возвращаться сюда просить милостыню, когда твои амбиции разобьют тебе голову. Понял? — Понял, — Алексей улыбнулся, завязывая узелок с едой к своему основному багажу. — Если мне разобьют голову, я вернусь к вам в качестве призрака и буду пугать клиентов, которые плохо платят по счетам. Договорились?

Юки отвесила ему легкий, но увесистый подзатыльник. — Проваливай, философ. У меня обеденный наплыв начинается. Мясо само себя не нажарит.

Алексей вышел на улицу. Солнце стояло в зените, припекая всюю. Он чувствовал себя чистым, сытым и впервые за долгие годы — абсолютно свободным. В кармане лежало состояние, достаточное для покупки целого квартала лачуг, но он пошел пешком, наслаждаясь каждым шагом.

Дорога к району Янака шла в гору. Город менял свое лицо. Чем выше поднимался Алексей, тем тише становилось вокруг. Резкий запах рыбы и пота остался внизу. Здесь пахло сосновой хвоей, цветущей гортензией и старым камнем. Дома становились просторнее, сады — ухоженнее. Появились первые буддийские храмы с их вечными многоярусными пагодами, устремленными в небо, словно каменные антенны для связи с космосом.

Мимо прошла процессия монахов в оранжевых одеждах. Они ритмично ударяли в барабаны, отбивая темп для молитвы. Алексей посторонился, прижавшись к забору. Один из монахов, седой старик с посохом, проходя мимо, вдруг замедлил шаг и заглянул Алексею в глаза. Взгляд у него был пронзительный, лишенный возраста. — Ты несешь на плечах двух мертвецов, сын мой, — тихо сказал монах, не останавливаясь. — Одного ты похоронил утром. Второго везешь с собой, чтобы похоронить вдали от дома. Облегчи ношу, прежде чем искать сталь. Сталь режет всё, включая совесть.

Алексей замер. Холод пробежал по позвоночнику. Монах ушел дальше по дороге, присоединившись к остальным.

«Одного похоронил утром». Каэдэ назвала его прежнюю жизнь перегоранием кабеля. Этот назвал смертью. Возможно, старая версия Алексея Патрушева, менеджера среднего звена, действительно умерла там, в белой вспышке монитора. А вторая... Вторая смерть — это родители? Или оставленная позади страна? Россия. Москва. Он никогда не

считал себя патриотом в крикливом смысле этого слова, но осознание того, что он больше никогда не увидит грязный снег весной и не услышит матерящихся таджиков-дворников, ударило под дых с неожиданной силой.

Он постоял еще минуту, провожая взглядом оранжевую процессию, пока звуки барабанов не стихли окончательно. Затем встряхнулся. Философия — вещь хорошая, но урчание в животе напоминало, что организм состоит не только из экзистенциальной тоски, но и из белков с углеводами.

Район Янака встретил его спокойствием. Узкие улочки петляли между храмовых стен. Здесь почти не было телег, только пешеходы. Воздух был прозрачным.

Последний дом у кладбища нашелся легко. Он стоял чуть особняком, отгороженный от погоста высокой стеной из серого камня, поросшей ярко-зеленым мхом. Дом был старым, приземистым, с массивными колоннами. Синяя черепица на крыше местами потрескалась, но держалась крепко. Широкий навес генкан скрывал вход от дождя.

Калитка, как и говорила Юки, была приоткрыта. Во дворе не росли цветы. Вообще никакой декоративной растительности. Только идеально ровный гравий, расчерченный граблями на концентрические круги, расходящиеся от большого гранитного валуна. Сухой сад. Место для созерцания пустоты.

Алексей снял свои нелепые городские туфли, которые каким-то чудом пережили переход, и ступил на теплый дере-

вянный настил веранды. — Есть кто живой? — позвал он, стараясь говорить уважительно, но твердо.

Из глубины дома донесся шаркающий звук. Скрипнула внутренняя дверь-сёдзи. На порог вышел старик.

Масахиро был высок, сутул, но в его плечах чувствовалась скрытая мощь кузнеца, привычного к молоту. Лицо пересекал старый рваный шрам, задевающий левый глаз. Но самым поразительным были глаза — белесые, неподвижные бельма. Старик был абсолютно слеп. Однако, когда он повернул голову в сторону Алексея, возникло жутковатое ощущение, что его видят насквозь, изучая каждую мысль, каждую каплю пота и каждое биение сердца.

На старике был лишь простой фартук из грубой кожи, надетый на голое тело. — Ты пахнешь дешевым sake, жареной свининой и страхом, — произнес Масахиро. Голос у него был сухой, как треск пересохшего дерева, но громкий. — И бумагой. Той, что с лицами мертвых чиновников. Ты принес ее с собой? — Нет, — честно ответил Алексей. — Она осталась в залоге за завтрак. Старик издал звук, похожий на кашель и смех одновременно. — Хороший обмен. Жизнь за иллюзию власти. Зачем пришел? Топор затупить? Ножницы для твоей матери, чтобы кроила шелк? — Мне нужен меч, — сказал Алексей. — Не для того, чтобы убивать. Для того, чтобы разговаривать.

Белесые глаза блеснули интересом. Старик медленно сошел с крыльца, ступая уверенно, словно видел каждую

неровность двора. Он подошел к Алексею вплотную. Ростом он был выше, пришлось смотреть слегка вверх. — Меч — это продолжение руки, — сказал Масахиро, протягивая свою сухую, мозолистую ладонь. — Покажи мне свои руки.

Алексей вложил свои ладони в руки кузнеца. Старик ощущал их с быстротой и точностью зрячего. Мозоли от клавиатуры, вечно напряженные мышцы запястий, линия жизни, прерванная стрессом. — Эти руки привыкли нажимать на мягкие клавиши, — констатировал Масахиро. — Они знают ритм, но не знают веса. Они умеют создавать копии, но не касались первозданного огня. Зачем такому человеку сталь? Играть в героя? Компенсировать недостаток мужественности между ног? — Я хочу научиться ответственности, — ответил Алексей, глядя прямо в незрячие глаза. — В моем мире ответственность размазана тонким слоем. Никто ни в чем не виноват. Всегда виноват баг, система, рынок, обстоятельства. Меч не знает оправданий. Если он сломается в бою — виноват кузнец. Если заржавеет — виноват владелец. Если убьет невинного — виноват рука, что его держала. Я хочу взять на себя вес одной конкретной вины. Своей собственной. Хочу чувствовать холод стали и понимать: каждое мое действие имеет необратимый вес. Рубить узлы проще, чем развязывать их словами, если слов никто не слышит.

Масахиро отпустил его руки. Он отступил на шаг назад, склонив голову. Казалось, он прислушивается к чему-то, происходящему далеко за пределами этого двора. К звону

невидимого металла. — Интересная болезнь, — медленно проговорил старик. — Поиск тяжести в мире теней. Большинство приходит ко мне просить легкости. Балансировки. Чтобы махать часами и не уставать. Ты же просишь гирию. — Просьба — плохое слово, — мягко возразил Алексей. — Я предлагаю сделку. Вам скучно. Вы не куετε три года. Металл покрывается ржавчиной ожидания. Я дам вам задачу, от которой у вас зачесутся руки. Сделайте мне клинок, который невозможно классифицировать. Не катану. Не вакидзаси. Не длинный китайский цзянь. Что-то среднее. Что-то неправильное. Европейский хаубергский меч, выкованный по законам японского булата. Нарушьте канон. Совершите инженерную ересь. Я хочу видеть, как сталкиваются две философииковки в одном ударе.

Старик замер. Белесые глаза смотрели в пустоту, но вся фигура выражала крайнюю степень сосредоточенности. Алексей попал в точку. Мастеру дали вызов. Инженерный как системы традиций. — Ересь... — прошептал Масахиро. — Смешать западную жестокость прямой рубящей кромки с восточной гибкостью... Дамасская сталь в сердечнике, обернутая мягким железом сингане... Хамон, доведенный до сумасшедения...

Он резко развернулся и, не говоря больше ни слова, скрылся в темноте дома. Спустя секунду оттуда раздался грохот — старик явно смахнул на пол какую-то полку с инструментами. Затем послышалось радостное, гулкое метал-

лическое звяканье.

Алексей позволил себе выдохнуть. Кажется, первый этап собеседования пройден.

Глава 3. Академия Магии и первые красавицы

Масахиро не взял с Алексея ни монеты. Вместо платы кузнец потребовал три вещи: мешок лучшего древесного угля из акации, который пришлось везти через полстраны; бо-чонок самого крепкого ячменного sake для очистки духа; и право присутствовать при первой закалке клинка в водах горного водопада под полной луной.

Работа над мечом затянулась на месяц. Алексей жил в сарае при кузнице, питаясь рисом и соленьями, изучая язык по ругани мастера и крикам торговцев за окном. Он научился отличать сорта стали по звуку удара молотком и понял, что программирование и ковка имеют общую природу — это поиск идеальной структуры внутри хаоса. Когда Масахиро наконец протянул ему завернутый в шелк клинок, старик впервые улыбнулся своим страшным лицом. — Ты назвал его «Ошибка Компиляции», — проскрипел кузнец, глядя бельмами куда-то сквозь Алексея. — Глупое имя для хорошего куска железа. Но оно подходит тебе. Этот меч сломает любую традицию, о которую ударится. Как и ты сам. Не урони его честь в выгребную яму Эдо.

Теперь, когда у него был аргумент весом в полтора килограмма высококачественной стали, висящий на поясе, Алек-

сей почувствовал себя готовым к главной аванюре столицы. Меч давал статус воина, но статус нужно было конвертировать в доступ к информации высшего порядка. А вся высшая информация Империи варилась в одном котле — Академии «Небесного Дракона».

Академия стояла на плоской вершине горы Хиэй, возвышающейся над Киото подобно ледяному айсбергу. Если нижний город пах рыбой, потом и жареным тофу, то здесь пахло озоном после грозы, старым пергаментом и стерильной чистотой власти. Путь наверх лежал по Священному Пути — широкой каменной лестнице, насчитывающей ровно две тысячи сорок семь ступеней. Монахи говорили, что каждая ступень очищает одну дурную мысль. К моменту, когда Алексей, тяжело дыша, преодолел последнюю, он очистил все мысли о том, что находится в хорошей физической форме. Легкие горели, ноги дрожали, а шерстяные носки окончательно превратились в лохмотья.

Сама Академия выглядела как архитектурный оксюморон. Древние деревянные павильоны с загнутыми крышами, покрытыми листовым золотом, соседствовали со странными стеклянными башнями-ротондами, от которых исходило едва заметное гудение. Внутри этих башен переливались сгустки чистой энергии — мана-концентраторы. Студенты, одетые в строгие серые косодэ с вышитым серебряной нитью драконом, скользили по мраморным дорожкам бесшумно, уткнувшись носами в светящиеся свитки-кодексы.

Алексей поправил ножны своего нестандартного меча. На фоне изящных катан местной знати его оружие выглядело грубым бастардом, европейским вырождением. Стражники у главных ворот — двое плечистых мужчин в лакированной броне *о-ёрой* — скрестили перед ним алебарды *нагинаты*. — Цель визита, оборванец? — процедил старший, презрительно оглядывая потертые штаны Алексея и отсутствие гербовой повязки школы. — Пришел проситься в золотари? Для этого есть черный ход со стороны скотного двора. — Я пришел сдать вступительный экзамен, — спокойно ответил Алексей, доставая из-за пазухи сложенный вчетверо пергамент.

Это была рекомендация. Официальная печать магистрата района Янака гласила, что податель сего, именующий себя Алексом, проявил выдающиеся способности в области структурной логики, пространственного анализа и управления персоналом (Юки расписалась размашисто и жирно, добавив внизу приписку: *«И лучший продавец моего супа»*). Внизу красовалась витиеватая подпись самого слепого Ма-сахиро, выведенная тушью так, словно она была выжжена каленым железом.

Стражник повертел бумагу, понюхал ее, даже попробовал печать на зуб. Документ был настоящим. Идеальным. Слишком идеальным для бродяги. — Экзамен уже идет третий день, — буркнул стражник, но дорогу освободил. — Кабинет приемной комиссии на втором этаже Зала Небесных Архи-

вов. Следующая группа собирается через десять минут. Беги, пока зритель не ушел пить чай.

Зал Небесных Архивов подавлял своей монументальностью. Потолок уходил вверх на добрых двадцать метров, подерживаемый колоннами из цельного ствола криптомерии. Вдоль стен тянулись бесконечные стеллажи с книгами-свитками, которые сами собой слетали с полок, разворачивались в воздухе, позволяли студентам читать страницы, а затем аккуратно складывались обратно. Тихий шелест бумаги напоминал шум прибоа.

В аудитории, куда вошел Алексей, сидело около тридцати человек. Все они были одеты в добротные ткани, от них пахло дорогими благовониями и уверенностью в завтрашнем дне. Дети министров, младшие сыновья даймё, наследники купеческих гильдий. Они сидели за низкими столиками-тябудаи, выпрямив спины, и смотрели на комиссию с подобострастным обожанием.

За кафедрой сидел главный экзаменатор — сухонький старичок в очках с линзами толщиной с дно бутылки. Господин Танака, декан факультета Артефакторики. Рядом с ним расположились два ассистента: один держал магическую палочку, мерцающую синим, второй — песочные часы.

— Имя? — не поднимая глаз от списка, спросил Танака, когда Алексей занял последнее свободное место в самом углу. — Алексей. Можно просто Алекс. По рядам прошеле-стел смешок. Имя звучало грубо, варварски. — Происхожде-

ние? — Земля, — честно ответил Алексей. Смех стал громче. Кто-то фыркнул в рукав. — Место жительства до подачи прошения? — Кухня трактира «Юки» и сарай кузнеца Масахирос. Декан Танака наконец поднял глаза. Его взгляд поверх очков был лишен всякого снисхождения. — Юноша, — скрипуче произнес он. — Это Императорская Академия Изящных Искусств и Высшей Магии. Сюда поступают годами. Готовятся десятилетиями. Ваш социальный рейтинг ниже уровня городской канализации. У вас нет рекомендательного письма от наставника-мага четвертого ранга. Вы даже не умеете правильно держать кисть для каллиграфии, я вижу чернильное пятно на вашем большом пальце. Единственное, что у вас есть — это нелепый кусок железа на боку. Зачем вы тратите наше время?

Алексей посмотрел на свои руки. Пятно действительно было. От спешки утром, когда он дописывал сопроводительное письмо для самого себя. — Время — самый ценный ресурс во Вселенной, господин декан, — сказал Алексей, вставая и слегка поклонившись. — И я бы никогда не посмел тратить ваше. Я здесь, чтобы сэкономить вам годы обучения других студентов.

Он подошел к демонстрационному столу в центре комнаты. На нем стоял стандартный экзаменационный набор: глиняный горшок, медный таз с водой, пучок сухой травы *то-коро* и запечатанный стеклянный флакон с надписью «Магический заряд. Категория D». — Задание первого тура, —

монотонно объявил ассистент с палочкой. — Трансмутация материи. Используя предоставленный источник маны, превратить траву тогоро в сахар. Базовая формула преобразования элементов Огня и Земли. Время исполнения — пять минут.

Студенты оживились. Это была классическая задача начального курса. Нужно было направить поток сырой маны в структуру целлюлозы, разорвать углеродные связи и перестроить их в молекулу сахарозы. Сложность заключалась в контроле температуры — перегреешь, получишь пепел. Недогреешь — мокрую солому.

Сын какого-то барона вышел вперед первым. Он картинно взмахнул руками, забормотал заклинание нараспев: — *Ферро! Игнис! Диссоцио!* Его магическая палочка выбросила яркий оранжевый луч прямо в пучок травы. Трава вспыхнула, почернела и рассыпалась золой. Барон побледнел. — Переохлаждение потока, перегрев ядра, — констатировал декан Танака безжалостно. — Ноль баллов. Следующий.

Следующая девушка действовала тоныше. Она создала вокруг травы водяную сферу, медленно нагревая ее изнутри паром. Процесс шел верно, но ужасно медленно. За отведенные пять минут она успела лишь слегка карамелизовать кончики листьев. Сироп не образовался. — Недостаточная плотность энергетического канала, — вздохнул Танака. — Три балла за старание. Садитесь, госпожа Харука.

Один за другим студенты выходили вперед. Они исполь-

зовали стандартные формулы, веками записанные в учебниках. Мана текла по заданным траекториям, как вода по проложенным желобам. Кто-то сжигал траву, кто-то растворял ее в кашу, кто-то заставлял ее светиться призрачным светом, но сахара не получил никто. Их учили ритуалу, а не сути процесса.

Алексей дождался, пока последний претендент сядет на место, стуча зубами от стыда. Затем он неспешно закатал рукава своей рубахи. — Позвольте мне, — сказал он. — Хотите опозориться официально? — усмехнулся Танака. — Прошу. Палочка не нужна, мы проверяем ваш врожденный резерв.

Алексей кивнул. Он не собирался использовать ману. По крайней мере, не ту, о которой говорил декан. Он подошел к столу. Оценил взглядом оборудование. Медный таз — отличный теплопроводник. Глиняный горшок — изолятор. Вода — универсальный растворитель. — Формула неверна в корне, — громко заявил Алексей, обращаясь ко всей аудитории. — Вы пытаетесь взломать клеточную структуру растения грубой силой магии. Это все равно что пытаться открыть банковский сейф, колотя по нему головой. Эффективность стремится к нулю, затраты ресурсов колоссальны.

Он взял пучок травы токоно. Поднес к носу, растер листок между пальцами, понюхал. — Ботаника говорит нам, что эта трава содержит сложные полисахариды. Химия подсказывает, что нам нужен катализатор и метод экстракции. Физика... физика вообще обходится без чудес.

Танака наклонился вперед. Старческая апатия сползла с его лица, уступив место хищному интересу ученого. — Что вы несете, юноша? Здесь факультет магии, а не лавка аптекаря. — Одно другому не мешает, — парировал Алексей. — Наблюдайте.

Он не сделал ни одного пасса руками. Не произнес ни слова на древнем языке духов. Он просто действовал. Шаг первый: инвентаризация. Алексей взял медный таз и поставил его на глиняный горшок вверх дном, создав примитивную спиртовку или плавильную печь — воздушная прослойка сработает как термоизоляция. Шаг второй: топливо. Он снял с пояса свой новый меч «Ошибка Компиляции». Лезвие тускло блеснуло. Алексей вынул клинок из ножен. Аудитория ахнула. Достать оружие в присутствии декана было тягчайшим оскорблением и поводом для немедленного ареста. — Спокойно, — поднял руку Алексей. — Я собираюсь нарушить закон сохранения массы, используя законы термодинамики.

Он положил пучок травы на лезвие меча. Затем он достал из кармана кресало и трут — простые инструменты путешественника. Высек искру. Сухая трава мгновенно занялась крошечным, контролируемым огнем прямо на острой кромке зачарованной стали. — Вы используете магию как костыль, потому что ваши мышцы атрофировались, — продолжал лекцию Алексей, внимательно следя за пламенем. — Вы забыли, что огонь — это просто быстрое окисление. Вы-

деляется тепло. Около четырехсот градусов по Цельсию. Достаточно для пиролиза.

Трава на мече начала обугливаться, но не рассыпаться. Масахиро знал свое дело: сталь отводила избыточное тепло в рукоять, работая идеальным радиатором, позволяя температуре горения оставаться стабильной. Когда трава превратилась в черный хрупкий уголь, Алексей аккуратно ссыпал его в медный таз. — Теперь самое интересное, — он повернулся к столу и взял запечатанный флакон с магическим зарядом категории D. — Вы называете это маной. Мы называем это концентрированной электрической энергией. Высоковольтный конденсатор.

Он сорвал печать. Во флаконе метался маленький синий шарик молнии, потрескивая. — Сахар отлично проводит электричество в растворе. Вернее, продукты его распада. Электролиз, дамы и господа.

Алексей вытряхнул содержимое флакона — ослепительную ветвящуюся молнию — прямо в медный таз, где лежал уголь. Раздался резкий треск, запахло озоном. Синяя вспышка ударила в медь. Таз задрожал. Затем Алексей схватил стоявший рядом кувшин с водой и одним движением выплеснул воду прямо в центр электрического разряда, прямо на раскаленный уголь.

Произошло сразу несколько процессов. Электрический ток пронзил воду, вызывая электролиз. Раскаленный уголь вступил в реакцию с водяным паром ($\text{C} + \text{H}_2\text{O}$

\rightleftharpoons \text{CO} + \text{H}_2). Выделившийся водород тут же воспламенился от остаточного жара, создав резкое повышение давления и температуры внутри таза — эффект микровзрыва.

Из горла медного таза вырвалось густое белое облако пара, пахнущее карамелью и жженым сахаром. Пар сконденсировался на холодном потолке и каплями упал вниз. Одна крупная капля упала точно на палец Алексея. Он машинально слизнул ее. Сладко. До зубной боли сладко. Чистая сахароза.

В зале стояла абсолютная, мертвая тишина. Было слышно только, как шипит остывающий металл и как где-то под толком жужжит одинокая осенняя муха.

Декан Танака медленно поднялся со своего места. Очки съехали на самый кончик его носа. Ассистенты стояли с открытыми ртами, забыв закрыть челюсти. — Вы... — прохрипел Танака. — Вы не произнесли ни одной формулы призыва. Вы не сформировали ни одного плетения. Вы просто... взорвали траву электричеством и химией. Это не трансмутация. Это прикладная ересь! — Результат соответствует техническому заданию, — спокойно возразил Алексей, указывая пальцем на дно таза, где блестела лужица густого янтарного сиропа. — Горшок пустого сахара превратился в горшок сахара настоящего. Метод доставки вторичен. Если ваша Академия готовит волшебников, которые боятся взять в руки зажигалку, боюсь, вы проиграете войну тому, кто умеет

разводить костер.

Танака обошел стол кругом. Он смотрел на Алексея так, как смотрит энтомолог на бабочку с шестью лапками вместо четырех — природа совершила ошибку, но какую красивую! — Как вы рассчитали температуру? — внезапно спросил декан. — Прикинул на глаз, исходя из цвета пламени, — пожал плечами Алексей. — Плюс-минус сто градусов. Пришлось рискнуть мечом, сталь могла отпустить закалку, но Масахиро кутает сердечник в мягкое железо очень качественно. — Вы знаете состав дамасской стали лучше моих аспирантов-металлургов, — прошептал Танака себе под нос. — Юноша, вы опасны. Ваша голова набита мусором из другого мира, который каким-то образом работает эффективнее наших тысячелетних традиций.

Старик вдруг хитро улыбнулся, обнажая редкие зубы. — Обычно мы отчисляем тех, кто нарушает устав с оружием. Но отчислять того, кто доказал полную несостоятельность нашей учебной программы... Это создаст плохой прецедент для министерства образования.

Танака вернулся к кафедре, взял большую красную печать и с размаху шлепнул ею по чистому листу пергамента. Звук получился сочным, похожим на выстрел. — Добро пожаловать на нулевой курс подготовительного отделения, господин Алекс, — провозгласил декан. — Специальность: Экспериментальная Теоретика. Вы будете учиться вместе с первокурсниками, но жить в подвале библиотеки. И да, верни-

те флакон казенного имущества, он стоит больше, чем ваша лошадь. Которой у вас нет.

Нулевой курс оказался сборищем таких же неудачников, чудаков и гениев-неформалов, как и сам Алексей. Дети купцов, которым не хватило взятки; бастарды благородных семей, прячущиеся от позора; и просто городские сумасшедшие.

Их первая лекция проходила в огромной аудитории амфитеатром. Предмет назывался «Основы построения магических матриц». Читала ее профессор Мидори — женщина лет пятидесяти, с волосами цвета воронова крыла, собранными в настолько тугий узел на затылке, что казалось, кожа на ее лице натянута до предела. Говорили, что если развязать этот узел, тайфун сметет половину Киото.

Алексей сидел на самой верхней скамье, разглядывая сокурсников. Напротив него, двумя рядами ниже, сидела девушка, которая явно попала сюда по ошибке системы сортировки.

У нее была фарфоровая кожа, идеальная линия скул и волосы цвета расплавленного золота, уложенные в сложную прическери высокой придворной дамы, хотя форменное ко-содэ на ней было таким же серым, как у всех. Она сидела идеально ровно, положив руки на колени, и слушала профессора с выражением вежливой скуки на лице, которое могут позволить себе только люди, владеющие землей на сотни

квадратных ри вокруг.

— Рейко из дома Фудзивара, — тихо прокомментировал сосед Алексея, худой парень с нервным тиком, постоянно требивший рукав. — Младшая дочь главного советника Императора. Уровень дара — SSS ранг. Может остановить сердце человека щелчком пальцев. Считается самой завидной невестой страны. И самая невыносимая стерва Академии. Ставит своих телохранителей в спарринг против выпускников боевого факультета. Ради развлечения.

Рейко почувствовала взгляд. Она медленно, с грацией ядовитой змеи, повернула голову. Ее темные глаза встретились с глазами Алексея. Она осмотрела его с ног до головы — растрепанные волосы, мозоли от черенка лопаты на руках, кривоватую ухмылку — и демонстративно сморщила нос, словно учуяла неприятный запах. После чего отвернулась с таким видом, будто увидела таракана.

Алексей мысленно присвоил ей тег [BOSS_ENEMY_TYPE: PRIDE]. Стандартный высокоуровневый моб с уязвимостью к критическому сарказму.

— ...следовательно, вектор силы должен быть направлен строго вдоль оси симметрии тетраэдра, иначе произойдет рассеивание потока и взрыв котла! — вещала тем временем профессор Мидори, рисуя в воздухе светящуюся схему сложной геометрической фигуры. — Запишите формулу плотности эфира...

Рядом с Рейко, сжавшись в комочек, сидела еще одна сту-

дентка. Полная ее противоположность. Маленькая, бледная, почти прозрачная. Волосы мышиного цвета падали ей на лицо, закрывая глаза. Она куталась в слишком большой для нее серый плащ, словно пытаясь исчезнуть совсем. Когда профессор Мидори сделала паузу, чтобы перевести дух, эта девушка еле слышно пискнула: — Простите... но тетраэдр неэффективен. Там избыточное напряжение в узлах сопряжения. Додекаэдр дает на тридцать процентов больший КПД при тех же энергозатратах...

Профессор Мидори остановилась. Светящаяся схема дрогнула и погасла. Вся аудитория замерла. — Что вы сказали, мисс? — голос профессора похолодел градусов на десять. Девушка втянула голову в плечи, готовясь к публичной порке. — Я... я говорю, что предложенная вами матрица имеет коэффициент полезного действия ноль целых шестьдесят две сотых, — пробормотала она, не поднимая глаз. — Если изменить базовую фигуру на платоново тело с двенадцатью гранями, резонанс будет устойчивее. Я... я проверила расчеты.

Она достала из рукава маленький грифельный стилус и быстро начертила на своей ладони — ладони служили ей вечными черновиками — сложную вязь формул.

Профессор Мидори подошла к краю кафедры, взяла девушку за подбородок и подняла ее лицо. Взгляд профессора сменился с гневного на потрясенный. — Мия... Мия Такахаши. Алхимический факультет. Почему вы на моей лек-

ции? — Меня... меня перевели на общий поток за дисциплинарное взыскание, — всхлипнула Мия. — Я случайно... случайно превратила лабораторию органической химии в зефир. Декан сказал, что мне полезно пообщаться с нормальными людьми. — Девочка, твой расчет идеален, — выдохнула профессор Мидори, отпуская ее. — Просто идеален. Господа, забудьте мой предыдущий пример. Вот наглядная демонстрация того, как математическое моделирование побеждает тупую силу. Мисс Такахаши, после лекции зайдите в мой кабинет. Я похороню вашу текущую успеваемость и напишу новую. Вы переходите сразу на третий курс теории.

Мия покраснела до корней волос и снова спряталась в свой плащ, став практически невидимой. Алексей наблюдал за этой сценой с профессиональным интересом. Система работала четко. Есть танк-провокатор (Рейко) и саппорт-интеллектуал (Мия). Ему, как классу «Бард-авантюрист», нужно было найти способ объединить их в пати.

Лекция закончилась. Студенты начали собирать свои записи. Алексей намеренно замешкался, завязывая ремешки на стопке выданных книг. План был прост: столкновение в дверях.

Он спускался по лестнице, когда Рейко, окруженная стайкой прихлебателей, величественно проплывала мимо. Телохранители — два мрачных бугая с плечами размером с амбарные ворота — шли впереди, раздвигая толпу. Рейко специально выставила плечо, проходя мимо Алексея. Расчет

был на то, что простолюдин извинится и отступит.

Алексей не стал отступать. В последний момент он шагнул в сторону, одновременно делая небольшой поклон. Однако поклон был выполнен с издевательской точностью этикета — достаточно низко, чтобы выразить уважение, но недостаточно глубоко, чтобы признать поражение пространства. Более того, двигаясь, он «случайно» задел локтем край ее роскошного рукава.

Раздался тихий треск рвущейся дорогой ткани. Золотая нить лопнула.

Свита Рейко ахнула. Сама аристократка остановилась как вкопанная. Лицо ее медленно заливала краска ярости. Белой рукой, унизированной нефритовыми кольцами, она указала на Алексея. — Ты... Ты мужлан! Деревенщина! Да как ты посмел прикоснуться ко мне?! Мой отец снимет кожу с твоих костей заживо и сделает из нее бумажные фонарики!

Алексей театрально посмотрел сначала на свою ладонь, потом на ее рукав. Затем он принялся. — Госпожа Фудзивара, — произнес он самым серьезным тоном, на какой был способен. — Прошу прощения за инцидент. Но прежде чем вызывать отца с клещами, ответьте на один вопрос. Чем от вас пахнет?

Рейко осеклась. Замерла с открытым ртом. — Что? — переспросила она, сбившись с заранее заготовленной тирады. — От вас исходит отчетливый аромат сушеных жабьих лапок, корня мандрагоры и... кажется, менструальной кро-

ви летучей мыши, — Алексей задумчиво потер подбородок. — Весьма специфический букет. Обычно такие ароматы используют либо для наложения проклятия седьмого колена, либо для привлечения демонов плодородия. Учитывая, что вы только что угрожали мне расправой, я склоняюсь к первому варианту. Должен заметить, пропорции нарушены. Жабь переборщили. Демон, которого вы вызовете, скорее всего, потребует отгул из-за мигрени, вызванной вашей парфюмерией.

Телохранители сделали шаг вперед, хватаясь за рукояти тесаков. Свита зашушукалась. Скандал высшей пробы. Но Рейко не двинулась с места. Ярость на ее лице медленно сменялась полным недоумением. Никто и никогда не смел говорить с ней в таком тоне. Ее боялись. Перед ней пресмыкались. Но никто не критиковал ее естественный запах (который сейчас действительно отдавал алхимической лабораторией — она помогала подруге варить приворотное зелье перед лекцией).

— Ты... ты псих, — выдохнула она, потеряв всю свою царственность. — Нет, я просто выпускник курсов бытовой наблюдательности, — Алексей обезоруживающе улыбнулся. — Кстати, разрыв ткани можно замаскировать. Если носить на левом плече брошь в виде феникса, хвостовое оперение птицы идеально ляжет на линию разрыва. Будет выглядеть как дизайнерское решение. Дарю идею бесплатно. В качестве компенсации за моральный ущерб моему плечу, кото-

рое пострадало от столкновения с вашим нестигаемым эго.

Он отвесил еще один легкий поклон и попытался уйти, оставив поле боя за собой. Но тонкий, музыкальный голос сзади остановил его: — Подождите.

Мия Такахаша стояла чуть поодаль, прижимая к груди стопку книг. Она смотрела на Алексея широко раскрытыми глазами, в которых плескался чистый восторг исследователя. — Ваши расчеты... — прошептала она. — Когда вы облили водой раскаленный уголь под напряжением... Тепловая динамика взрыва должна была разрушить медный таз. Коэффициент расширения меди при контакте с плазмой... Но таз цел. Вы знали, что добавление соли в воду повысит проводимость, но локализует разряд на поверхности раздела сред, защитив стенки сосуда? Или это была интуиция?

Рейко забыла про испорченный рукав. Она переводила взгляд с застывшей, как суслик, Мии на абсолютно спокойного Алексея. Впервые на памяти половины Академии неприступная принцесса выглядела совершенно сбитой с толку.

Алексей повернулся к Мие. Посмотрел на ее встревоженное, умное лицо. На ее пальцы, сжимающие книги так, что побелели костяшки. — Интуиция — это просто бессознательная обработка данных, Мия-тян, — мягко сказал он. — Я просто посчитал удельное сопротивление раствора быстрее, чем система попыталась убить меня. Закон Ома спас мою одежду.

Он подошел к ней ближе, игнорируя напрягшуюся охрану Рейко. — А насчет таза... Секрет фирмы. Скажу только, что Масахиро добавляет в медь немного серебра. Старый лис знает толк в антикоррозионных покрытиях.

Мия моргнула. Информация о лигатуре металлов в быту вызвала у нее приступ интеллектуального экстаза. Она открыла рот, чтобы задать следующий вопрос о кристаллической решетке, но Алексей заговорил снова, теперь глядя прямо на Рейко, которая продолжала стоять с видом королевы, чей трон только что заняли муравьи: — Миледи Фудзивара. Поскольку мы оба сегодня пострадали от физического контакта — я от вашего плеча, а вы от моего локтя — предлагаю перемирие. Вечером в чайной «Спящая Цапля» дают отличное сливовое вино. Я угощаю. Обсудим теорию вероятностей падения метеорита на крышу дворца и способы маскировки пятен от зелий на шелке. Приходите. Только оставьте жаб дома. У меня на них аллергия.

Сказав это, Алексей подмигнул остолбеневшей Мие, ловко увернулся от рук бросившегося к нему телохранителя и быстрым шагом скрылся в переходе между корпусами, прижимая к груди подаренные профессором Мидори книги.

В коридоре повисла тяжелая пауза. — Он пригласил меня... выпить? — первой нарушила молчание Рейко. Голос ее звучал так, словно она пыталась понять смысл неизвестного иностранного ругательства. — Кажется, да, — пискнула Мия, все еще глядя в пустой коридор, где скрылся наг-

лец. — Он использовал стратегию дезориентации противника через абсурдизацию диалога. Это гениально. Абсолютно антинаучно, но гениально. Надо записать алгоритм...

Рейко посмотрела на свою маленькую сокурсницу. Затем на свой порванный рукав. Затем снова в пустоту. На губах дочери главного советника Императора медленно расцветала опасная, предвкушающая улыбка. — Сливовое вино, значит, — процедила она. — Ну что ж, дикарь. Придем. Обе.

Вечер обещал быть интересным. Алексей, шагающий в сторону общежития для бедных, весело насвистывал мелодию из старого аниме. Первый день в Академии показал главное: социальные навыки качаются гораздо быстрее, чем магические, если знать правильный синтаксис общения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.